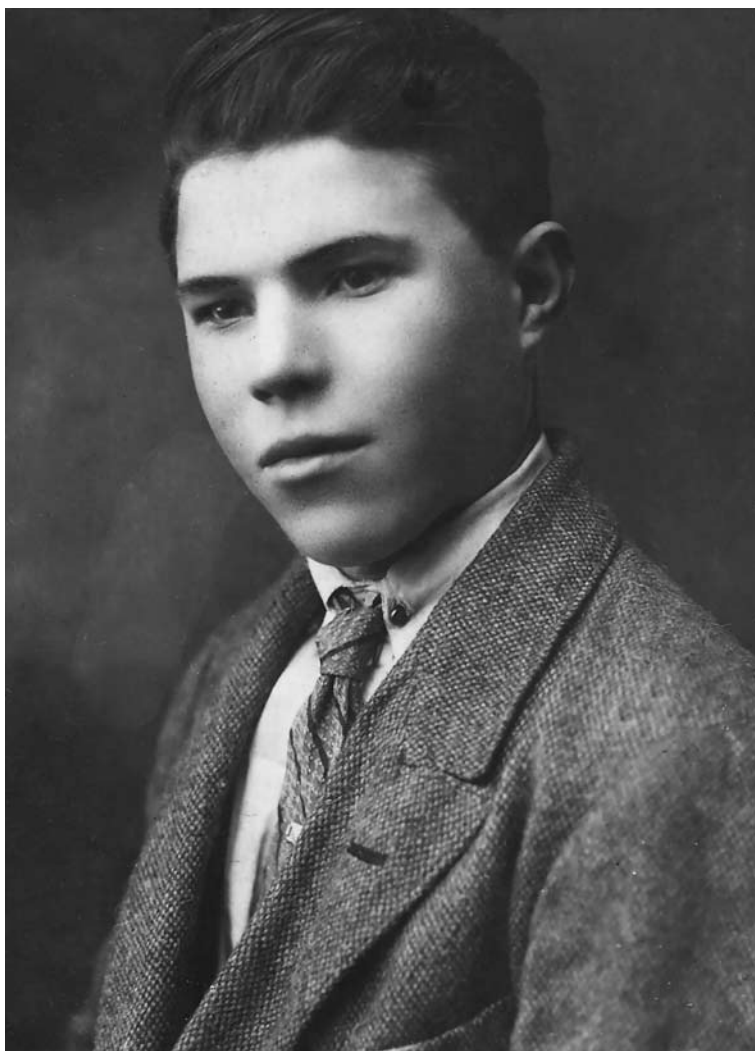

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

**Александр
ФЁДОРОВ**

ОТЦОВСКАЯ ЛИНИЯ

Отец в молодости

Термин «отцовская линия» в заголовке имеет двойной смысл: во-первых, это воспоминания о жизни конкретного человека, моего отца, а второе – направление его жизни, особенности его характера, данные в его поступках, отношениях с другими людьми.

Отец прожил нелёгкую трудовую жизнь, в какой-то степени она была типичной для того поколения. Поэтому узнать о ней, думаю, будет небезынтересно нашим современникам.

Эта жизнь неразрывно связана с его родственниками и собственно нашей семьёй, поэтому им будет уделяться, наряду с отцом, большое внимание.

Большую часть своей жизни – около сорока лет – он провёл в заволжском городке Ершове, поэтому с этого периода и начинается повествование.

Три составные части... жизни. С источниками

Всю отцовскую жизнь можно разделить на три больших периода, причём каждый последующий был больше предыдущего. Это были детство и юность, сначала в захолустной деревеньке Глебово Тельчинского уезда Орловской губернии (интересно, что его внука, моего сына, по совершенно не связанной с этим названием причине зовут Глеб), затем в городе Орле.

Потом служба в ВВС (Военно-Воздушных Силах) и, наконец, жизнь после демобилизации в районном городиш-

-
- Александр Фёдоров родился в 1948 году в пос. Ершов Саратовской области в семье военнослужащего. Жил во многих гарнизонных военных городках Украины, в провинции Бранденбург на северо-западе ГДР, в небольшом городке Вернойхен. С 1956 по 1966 год учился в школе № 29 города Ершова. В 1972 году окончил энергетический факультет Саратовского политехнического института. Более 20 лет работал ведущим инженером в научно-исследовательском технологическом институте (НИТИ) Авиапрома, имеет медаль ВДНХ, несколько авторских свидетельств и патентов, знак «Изобретатель СССР». Увлекается историей, археологией, искусством фотографии. Пишет с юности. Публиковался в периодической печати. Эссе «Старый Ершов и его обитатели. Записки провинциала» было напечатано в 11–12 номере журнала «Волга – XXI век» за 2007 год. «Отцовская линия» является логическим продолжением «Старого Ершова...».

ке, который ранжировался в начале нашей жизни там как рабочий посёлок Ершов Саратовской области.

Военная служба отца закончилась в 1957 году в ГДР, в группе советских войск в Германии – ГСВГ, когда он по выслуге 25 лет ушёл на военную пенсию. Ушёл ещё достаточно молодым, сорокапятилетним. Но перспектив при продолжении службы не было: среднее военное образование, полученное в годы войны, практически ставило крест на дальнейшем должностном росте, а учиться дальше было уже поздно. Фронтовикам со средним военным образованием давали дослужиться до пенсии, а там...

Пенсия за такую выслугу лет определялась в половину оклада. И на эту сумму отец, мать, я и ещё моя бабушка жили в маленьком Ершове, и жили несколько лет неплохо, пока взбалмошному Никите Сергеевичу Хрущёву не пришло в голову сократить чуть не в четыре раза армию и заодно убавить содержание военных пенсионеров вдвое. Но это произошло не сразу после обоснования на житие в Ершове.

Первые шаги на новом месте

Не хотел отец оставаться после демобилизации в Ершове. Так получилось, что сначала, в 1956 году, приехали туда мы с мамой из ГДР, опасаясь начала новой мировой войны, во время венгерского восстания. Отец остался дослуживать ещё год, в одиночестве. Как раз в это время у него появилась возможность больше покупать европейских товаров в военторге, и наши два ковра, в число которых входили знаменитые шишкинские «Мишки», точнее «Утро в сосновом лесу», он приобрёл именно тогда. Знаменитые они были потому, что производились много лет немецкими предприятиями специально для советских военнослужащих, выпущено их было много, поэтому по висящим на стене «Мишкам» сейчас можно судить о пребывании в ГДР наших сограждан или их родственников.

Отцу, да и матери хотелось определиться после службы куда-нибудь в центр России, в Подмоскowie, где жил родной брат матери, или в городе, откуда отец ушёл в армию – Орле. В Москве в это время, как на грех, случился Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, и всякая прописка в 100-километровой зоне от Москвы была прекращена. Помешал устройству и горячий характер отца. Уже обменяв удостоверение личности офицера на гражданский паспорт в Подмоскowie, имея реальные шансы на прописку при некотором пережидании всяких бюрократических проволочек с этим делом, он не выдержал паузы и вдрызг переругался с начальником тамошней милиции, после чего всякое ожидание стало бессмысленным.

Орёл тоже не оправдал надежд, квартиру можно было получить только через несколько лет, а где жить до этого? Участки под застройку давались неприемлемые, заваленные кирпичным боем или на окраине. Тем временем подошла зима, отец вернулся, так сказать, на базу, в Ершов, где мы проживали в маленькой бабушкиной саманной мазанке, с ним уже вчетвером.

У нас, наконец, собственный дом

А тут на соседней улице ему стали усердно сватать довольно просторный, деревянный, из сосновых полубрёвен дом, с кладовыми, верандой, все под одной крышей. Дом был старый, в стенной основе своей хороший, но требовавший огромного капитального ремонта. Нужно было заменить деревянную замшелую покоробленную протекающую крышу, фундамент из самана на кирпично-бетонный, сделать дощатую обшивку снаружи и полностью перепланировать дом изнутри. Построить летнюю кухню, сарай, поднять, по-моему, целинный, приусадебный участок.

Но купить дом – это значило отказаться от переезда на новое место, пустить здесь корни, на что отец категорически не соглашался. Да и средств на всё это требовалось очень много, таких денег не было. Уж не знаю, как мать с бабушкой отца уговорили, но весной 1958 года бабушка продала свою мазанку тысяч за 8, деньги отдала отцу, и уже отец уплатил за новый дом 39 тысяч рублей, сумму довольно приличную в то время, достаточно сказать, что врач получал несколько сотен рублей в месяц.

Мы переехали в новый дом осенью или зимой, не помню. Помню только огромное количество клопов, гнездившихся в многослойных стеновых обоях, прикреплённых к стене в основном кнопками. Они с радостью набросились на новых постояльцев – да, в первую зиму именно они были хозяевами, не помогала даже довольно холодная атмосфера дома. Она создавалась небольшой чугунной печкой-буржуйкой времён Гражданской или Отечественной войны, с железной трубой, выведенной в стоящую рядом, в центре дома, круглую, облицованную железом печь-голландку. Её отопительные свойства, по-видимому, не удовлетворяли ожидания прежних жильцов – двух незамужних сестёр в возрасте. Дом был страшно запущен, ремонта не было лет тридцать – чувствовалось отсутствие не только мужской руки, но и полное пренебрежение к собственному быту, видно, сёстры никак не могли решить, кому что делать по дому, так как дом составлял их совместную собственность.

Поэтому хозяйственные решения принимались по принципу минимальной достаточности: зола из печки выносилась из дома по крутой лестнице из коридора прямо на подлавку – так у нас бабушка, а за ней и мы, называла внешнюю поверхность потолка дома под крышей. Туда же выносились всевозможные пузырьки, от ликёро-водочных до аптечных, и другой хлам. «Культурный слой» достигал более полуметра, благо потолочные поперечные балки – матки – и потолочные доски были прочные и толстые. Аптечных пузырьков отец спустил вниз несколько конских вёдер (отличаются от обычных повышенной ёмкостью – 15 литров). Мать их вымыла и, чтобы не пропадать добру, сдала в местную аптеку, в которой такие ёмкости тогда были в большом дефиците. Аптекарьша ещё долго при встрече многословно благодарил маму, прося возобновить поставку, но источник поступления оных иссяк вместе с отъездом прежних хозяев.

Однажды я слышал, как отец вполголоса, чтобы не услышал я в соседней комнате, рассказывая о творящемся ранее в доме раздразе, говорил своим гостям о ведёрке презервативов, найденных им на той же злополучной подлавке.

Мы нашли там даже клад, мешочек с царскими, увы, только медными деньгами. Бабушка потом некоторым из этих монет нашла своё применение – она делала так называемую крепкую водку. Это было средство, заменяющее дефицитный когда-то йод. Рецепт этого лечебного средства сообщил ей когда-то аптекарь. Смешивались в какой-то пропорции азотная и соляная кислота, потом туда добавлялись медь и ртуть, и прореагировавшая смесь зеленоватого цвета разливалась в бутылочки. При ранах на коже достаточно было коснуться пробкой, смоченной оным эликсиром, как кровь тут же как бы закипала и отверждалась в зеленовато-коричневую массу, после чего о всяческих нагноениях можно было не думать.

Интересны были дипломы и аттестаты, найденные там же, большие листы плотной бумаги жёлтого цвета, выданные при Николае II и Александре III, с погрудными портретами упомянутых императоров сверху, с таким интересным перечнем предметов – Закон Божий, греческий язык и латынь, полученные ПРИ ПРИМЕРНОМ ПОВЕДЕНИИ. Видно, это документы касались классической гимназии.

Строительно-ремонтные хлопоты

А весной начались строительные работы. Здесь отец проявил себя не только завидным организатором работ, снабженцем и экономистом в одном лице, но и недюжинным специалистом по всякой плотницкой и столярной работе, которую изучил в юности. Вместе с бригадой плотников он перекрывал крышу сначала толем – картоном, пропитанным каменноугольными дёгтевыми продуктами, потом поверх него – листами волнистого серого шифера, отец доставал его где-то в районе каким-то сложным полулегальным путём. Таким же путём появилась дощатая обшивка бревенчатых стен.

В те времена на лесоторговой базе, расположенной на окраине города, можно было купить свободно только невысокий, неширокий, скорее декоративный, чем функциональный, берёзовый штакетник для ограждения участка, колючую проволоку для защиты от несанкционированного проникновения (куда?! – если не из чего строить сам объект для проникновения) да ещё какую-нибудь ерунду.

Деловой древесины не было. Уж не знаю, как отец организовывал покупку всех строительных материалов. За краской он ездил, например, в то самое Подмосковье, где жила... нет, не девушка Прасковья, а мамин брат. И там, через родственные связи его жены, «достал» – интересное слово, значение которого в наше время становится строго каноническим – то есть вынул, вытащил чего-то, – десятки трёхкилограммовых банок с суриком, половой эмалью и ещё какой-то ужасно вонючей желтоватой разливной краской, применяемой для военных нужд. Я думаю, последняя краска попала, как никакая, по адресу, ведь отец был бывшим военным. Вообще, строительство дома в то время

можно было приравнять к подвигу, за который должно бы последовать награждение какой-нибудь правительственной наградой. А ведь отца местным властям полагалось после демобилизации обеспечить жильём (вот она, награда!). Вот только ждать его нужно было годами. Это сейчас офицерам после демобилизации дают жилищный сертификат. А здесь или жди непонятно где и сколько то, что полагается по закону, или плюнь на все обещания и делай всё сам на свои средства.

Когда потребовалось поднять балки пола, чтобы его выровнять, отец договорился со знакомым железнодорожником, и тот привёз ему огромные мощные вагонные домкраты.

В общем, отец сам, с помощью семейных трудовых резервов, друзей, соседей и нанятой рабочей силы за один тёплый сезон изменил дом неузнаваемо, и тот засверкал свежей краской, которой он никогда не видывал.

В запарке работ отец даже забыл на время о своём нежелании оставаться на постоянное жительство в Ершове.

Да, перед внутренним ремонтом отец провёл дезинсекцию клопов методом фумигации, то есть химической атаки. Уф, какие сложные понятия, обозначающие просто то, что отец заткнул все отверстия в доме и поджёг внутри него серную шашку. Внутри несколько часов стоял плотный жёлтый дым, оставивший от клопов только малоприятные воспоминания.

В результате всех этих усилий материальная основа нашего жизненного цикла была создана.

Новый дом в Ершове, 1965 год

Особенности характера

И тут отец понял, что сам себя загнал в ловушку. С одной стороны, он сердце оставил в лесной зоне нашей страны, а свой новый очаг, увлекшись самим процессом созидания, создал в степи. И ещё много лет его мучил дуализм этого положения.

Выпив за столом стопку (по его собственным словам, он любил выпить), он часто жалел, что дал обстоятельствам волю, и сокрушённо говорил: «Нет, всё равно я уеду!»

Всякое действие, работа отца, от природы несдержанного, ещё более возбуждали. При этом он, особенно устав физически, не терпел от близких критики себя и работ, осуществляемых под его руководством. Не очень слушал он и предложений, делал всегда всё по-своему.

Но был по-своему отходчив, никогда не держал зла и сам часто сокрушался по поводу собственного вспыльчивого характера. Вот мы с ним бетонируем площадку под водопроводную колонку. Я, уже довольно взрослый парень, предлагаю ему какой-то свой вариант строительства. Он не соглашается, я тоже горячусь, и вот уже он говорит мне: «Не хочешь делать, как я хочу – тогда иди, без тебя управлюсь!» Я молча обиженно ухожу, он доделывает работу по-своему, а утром примирительно зовёт посмотреть результаты, и вижу, что на бетонной площадке красуется уже затвердевшая надпись, сделанная мастерком: «Фёдоровы 1972 год».

Когда же это было необходимо, отец по отношению ко мне проявлял прямо-таки трогательную заботу. Где-то на рубеже 13–14 лет, в переходном возрасте, при перестройке нервной системы, у меня неожиданно возникла проблема с засыпанием. Часами лежал, закрыв глаза, а сон всё не шёл. В итоге я не высыпался, весь день ходил сонным и разбитым, пропал аппетит, я похудел, хотя и до этого был «строен». Родители всполошились, по чьему-то совету мы с папой стали на сон грядущий прогуливаться по улице. Помнится, была зима, стояли крепкие морозы, над нами чернел небосвод с крошечными яркими мигающими точками звёзд и серебристой луной. Безлюдно, тишина, только громко хрустел снег под подошвами валенок. Так мы и прогуливались, не спеша, по нашему кварталу, туда – обратно. И так же не спеша говорили, говорили... Говорили обо всём – о тайнах мироздания, о каких-то глобальных проблемах, например, отца очень интересовала такая категория вселенной, как бесконечность.

Часто отец вспоминал о событиях своего детства и юности. Что-то запомнилось, и я постарался передать, как помнилось, в этом произведении.

Отношения отца с бабушкой, которая жила с нами, развивались в другом направлении. Она была человеком самостоятельным, большую часть своей жизни прожила без мужей, которые составили в её голове нелестное, как мне кажется, мнение обо всех мужчинах. И про всё у неё уже давно сформировалось собственное мнение, надеялась она только на себя, соответственно, имела достаточно авторитарный тип характера. Но и отец, в силу своего военного прошлого, тоже обла-

дал таким же комплексом. Таким образом, боестолкновения были неизбежными.

В домашние дела, кухню отец не лез, в армии он всегда питался в офицерской столовой, и поэтому, когда матери не стало, пришлось обучать его готовке с нуля, начиная с простейшего – яичницы и варёной картошки. Впрочем, он тщательно записал все рецепты и довольно быстро освоил это новое для него, человека уже совсем не молодого, дело, хотя в результате получалось, может, не очень вкусно, без гастрономических изысков, но вполне съедобно. И в этом сказалось его серьёзное, основательное отношение к жизни.

А вот в других делах... Это я снова относительно его способностей прислушиваться к чужому мнению. Отец был главным, как это сказать, вскапывателем огородной земли, причём он делал это и осенью, и весной. Копал глубоко, на всю длину штыка лопаты. После таких трудов он, естественно, принимался за продолжение полевых работ, иногда с помощью домашних сажал, поливал, при необходимости подвязывал, рыхлил и, вообще, проводил полный курс ухода за растениями. У бабушки на этот самый уход, особенно на полив, был свой взгляд, глубоко отличный от отцовского. По её воззрениям, отец поливал мало, как она выражалась, «только брызгал сверху», поливать же по-бабушкиному значило подводить воду снизу, по нарезанным предварительно канавкам, долго и упорно, так, чтобы промочить землю глубоко и широко. Эти разногласия порой превращались в крики и слёзы.

Не знаю уж, сам ли или, по крайней мере, по согласованию с матерью, отец, с целью экономии финансовых ресурсов, проводил мясозаготовки на зиму. Это продолжалось до начала 60-х годов. Он доставал машину и обычно вместе со своим другом Александром Попеко ездил в район и там покупал недорого у хозяев заднюю часть, или побольше, коровы. Это мясо мы хранили в холодном чулане, подвешенное на крюке. Мясо в ту пору мы ели, что называется, до отвала. Мясные борщи на крепком мясном бульоне, котлеты, тефтели, отбивные, гуляши... Ешь не хочу.

У этого способа заготовки, при всех его достоинствах, был один недостаток. Если среди зимы случалась длительная оттепель, мясо начинало портиться, и поэтому в это время мясоедение приобретало максимальные размеры. А часть иногда всё же пропадала.

Вот это явление толкнуло мать и отца на покупку сравнительно большого по тогдашней мерке холодильника «Ока», приобретённого в Балакове году в 1963-м, на строительстве ГЭС, где дефицитные вещи распределяли по разнарядке. Впрочем, и маленькие холодильники тогда были в дефиците.

Через дальних родственников и удалось получить этот агрегат, который у нас проработал почти сорок лет, когда ему на смену пришёл новый холодильник «Саратов», приобретённый в период перестройки, когда всё уже стало исчезать, теперь уже через Совет ветеранов, куда входил отец. В общем, хорошие нужные вещи всегда были в дефиците. Приблизительно таким же образом и в это же время отец привёз из Москвы (!) стиральную машинку с центрифугой. Уверен,

что, если бы наши тогдашние власти больше внимания уделяли реальному улучшению жизни людей посредством насыщения товарного рынка, развитию таких областей промышленности, не пользовались бы мы поголовно сейчас импортной техникой, став, по сути, сырьевой державой.

Вопросы ирригации

Да, вода была крайне желанна летом, по крайней мере, в первое время жизни в новом доме, и весной, когда она шла широким мутным замусоренным потоком из ближнего железнодорожного парка в Немецкий пруд. В то время каждый домовладелец норовил впустить эту высокую воду к себе в огород и сад и запереть её там дамбами, дабы сберечь влагу в земле как можно дольше. Каждый из вышеуказанных товарищей имел собственный взгляд на то, как и где этот поток должен идти, по этому поводу у отца всегда были яростные сезонные стычки с «задними» соседями. Эти спорадические столкновения иногда переходили в стойкую неприязнь, в результате которой с одним из соседей, Наконечниковым, с таким же несдержанным характером, началась целая холодная война с возведением высоких крепких межучастковых «крепостных стен» (заборов с земляными рвами), с канавами и насыпями, «валами». Крепостное строительство сопровождалось полным разрывом дипломатических отношений, бывших до этого дружественными.

Поливать посаженный молодой сад и огород из водоразборной колонки вдоволь было невозможно. Колонки располагались на другой улице, около них была вечная очередь, поэтому по сложившимся правилам в одни руки давалось только два ведра воды. Мы ездили туда летом с сорокаведерной бочкой на самодельной тележке всей семьёй, втроём, бабушку не брали. Приходилось вставать 6–7 раз в очередь, чтобы наполнить бочку, что занимало вместе с движением часа полтора.

И вот отец решил совершить невиданное в нашем городке (почти). Построить колодец. В нашем засушливом крае, с плотной глиной в качестве материнской основы почвы, таких попыток было единицы. Я лично ни одного колодца не видел.

Отец заказал щуп – отрезок трубы (стакан) длиной миллиметров 350 и диаметром 75, один торец стакана был заострён, к другому был приварен лом с проушиной на конце для вдевания верёвки. Во дворе дома была поставлена тренога из сосновых жердей, скреплённая скобами, сверху треноги установлен блок для верёвки, внизу в землю вбит отрезок трубы несколько большего диаметра, чем щуп, как направляющий. Внутри трубы щупом был нанесён первый удар, затем щуп был вынут, и из него толстым крепким ножом выковорена первая земля.

За этим ударом последовали другие, и вот уже головка щупа с ушком для верёвки исчезла под землёй. Вскоре уже щуп с утробным гулким уханьем исчезал в скважине, углубляя её за каждый цикл на 15–20 сантиметров. Прошли уже таким образом 16 метров, и вдруг в стакане щупа появилась вода. Вот уж радости было! Решили строить

колодец на два двора, потому как финансовые расходы по оборудованию колодца и трудовые усилия по рытью предполагались значительные.

Размер будущего колодца был выбран 1,5 на 1,5 метра, из расчёта возможности копания и погрузки грунта в ведро. Копали довольно быстро, сначала сруб не ставили, так как спрессованная глина – наносы древней Волги, которая под действием кариолисовой силы в течение многих тысячелетий смещалась на запад, была плотная. Но однажды, при глубине несколько метров, произошёл небольшой обвал верхней части колодца. Пришлось сверху опустить сруб из сосновых горбылей – то, что было под рукой; собственно, тогда мы не знали, что наилучшая древесина для колодца – осина. Теперь технология изменилась: при проходке метров полутора сверху на верёвках опускался наращенный сруб. Отец рассказывал, что днём, на глубине метров десяти, без добавочного электрического освещения, из колодца можно было видеть звёзды на чёрном небосклоне. Здорово!

Накопанную глину погружали в опущенное с помощью ворота ведро и поднимали на поверхность. Таким же образом поднимали или опускали шахтёров – ведь копали шахту, в общем-то, то есть вертикальный ствол. Теперь я поражаюсь смелости и, в какой-то степени, даже авантюризму отца, который взялся за новое для него, опасное и непредсказуемое по результатам дело. Тем не менее колодец был выкопан, в основном благодаря настойчивости отца, и лет десять снабжал нас вполне приличной водой для питья и полива. И завалился благодаря всё тем же весенним паводкам, когда талая вода наполняла колодец с верхом и подолгу стояла там, разрушая внутреннюю деревянную обшивку.

Отец, мать и я, взаимоотношения

Отца раздражало и то, что я в отроческом возрасте больше дружил с матерью, нежели с ним. Кстати, почему-то такое было и с моим сыном. У нас всё происходило из-за до крайности вспыльчивого характера отца. Помнится, мы с матерью как-то вечером сидели на кухне и вполголоса разговаривали о чём-то. Отец уже лёг спать. Но, слыша наши приглушённые голоса, заинтересовался нашим разговором, осторожно, чтобы мы не слышали, подошёл к нам и выглянул из-за занавески, закрывающей вход. Вид у отца, всклокоченного, в семейных чёрных сатиновых трусах, напоминающих юбку папуаса, в спущенной на них майке, был весьма комичный. Он так рассмешил меня – мать сидела вполоборота и не видела отца, – что я чуть не прыснул, побыстрее отвернулся и, сделав вид, что не вижу его, о чём-то стал громко говорить с матерью. Не услышав от нас ничего интересного для себя, отец раздражённо пошёл в спальню, уже не стесняясь, гулко топая босыми ступнями по деревянному полу.

В старших классах он был председателем родительского комитета класса, ходил на собрания. Регулярно, один, редко два раза в год, я невольно предоставлял ему возможность внеочередного свидания с классным руководителем или с каким-нибудь педагогом.

Где-то в середине, а скорее в конце года кто-то из них не выдерживал моего ироничного, насмешливого поведения – наверное, учителя думали, что всё представление задумано специально против них, – и вызывали родителей.

Самым трудным было вручение дневника со злополучной записью. Обычно это делалось молча, вечером, перед днём экзекуции, так сказать. Приходил отец после randevu обычно спокойный и даже умиротворённый. Это происходило потому, что, кроме расплывчатых жалоб на «невыносимое поведение вашего сына», предъявить было, в общем, нечего. Учился я стабильно хорошо, не проводя за уроками много времени, выезжая за счёт способностей и разработанной системы организации ответов на уроках. Рассчитывая время, когда меня должны спросить, я обычно дома хорошо готовился и старался после этого, чтобы меня вызвали к доске и я ответил. Называлось это движение в разработанной системе «заткнуть».

Потом, когда начал готовиться к вступительным экзаменам, я понял, какими несистематизированными и отрывочными знаниями обладаю. Пришлось много потрудиться, но к экзаменам я обладал действительно фундаментальными знаниями, достойными полученной в школе медали.

Домашняя живность и охотничья дичь

В шестидесятые и семидесятые годы отец держал в сарайчике возле дома поросёнка и кур. Сарай мы с ним переделали из ранее стоявшего там, оставшегося от старых хозяев строения, из толстых деревянных пластин, скреплённых деревянными клиньями. Очередному Самсонке, кроме так называемых «озадков», то есть зерновых отходов, летом полагалось собирать траву, которую потом мелко рубили топором и запаривали вместе с отходами. Траву требовалась и курам, которые делили сарайчик с поросёнком. Тогда Ершов был беден зеленью, приходилось мне ездить на велосипеде с приятелями в поля и набивать ногами мешок повиликой – вьюнком, в изобилии росшим на кукурузных полях. В результате получался совершенно неподъёмный мешок, который крепко притягивался сзади на багажник верёвками. Везти его на вихляющем по дороге велосипеде было трудно, после даже ноги дрожали от перенесённого напряжения.

Дом долго сторожила немецкая, красивая, с рыжими пятнами, овчарка Рубин, круглый год живя в будке, у сарая, на цепи. Пёс был удивительно свободолюбивым и, когда ночью во дворе его спускали с цепи до утра, иногда умудрялся найти какой-нибудь проход в заграждениях двора и уходил. Уходил надолго, на месяцы, и никогда сам не возвращался.

Мы его искали и находили, в стае, в основном в компании беспородных и бродячих от рождения всяких шавок. И хотя он был большим и сильнее любой из этой собачни, его статус в группе был всегда из последних.

Да, свободным надо, наверное, родиться, чтобы отвоевать себе место под этим солнцем. А тут свора часто просто уродливых двор-

няг всячески демонстрировала ему своё превосходство. А он держался униженно и покорно, даже не пытаясь дать отпор этой собачьей дедовщине. Отощавший, весь в укусах, он на мгновение подбегал к нам по нашему зову и тут же возвращался обратно, в стаю. Увести его с собой можно было только насильно, за ошейник. Так и дожил он у нас в регулярных побегах до старости.

Жили у нас и кошки, но их век был недолог – 2–4 года, и кошка исчезала. На воле зверьё обычно живёт гораздо меньше, чем в неволе.

Отец в Ершове купил ружьё (прежнее оставил в Германии) и начал охотиться, кроме боровой дичи, на водоплавающую – уток и лысух, чёрных водяных курочек с белым пятном около шеи. Сделал интересную складную брезентовую лодку, разработки какого-то умельца-конструктора. Две пары тонких и широких досок соединялись брезентом так, что, вставив в конструкцию систему распорок, получали в итоге небольшую одноместную, длиной около полуметра, лодку. В складном виде лодка занимала чуть более полуметра и легко грузилась на мотоцикл. А вот с мотоциклом отцу не везло, механик он был неважнецкий и часто прикатывал издали непослушную машину на последнем издыхании, в конце концов совершенно охладев к ней и передав мне. У меня, после опыта эксплуатации мопеда, мотоцикл вёл себя пристойно.

С охотой у отца связан комический эпизод. Мы приехали в деревушку Ганновку, где тогда проживали наши родственники, на утиную охоту. Приехали вечером, втроём, с гостившим у нас дядей Колей (из Подмосковья – помните главу «Строительно-ремонтные хлопоты»)?

Ещё не совсем зашло солнце, и мы решили пройти вдоль берега, захватив с собой ружьё. Выйдя за деревню, мы увидели в сумерках небольшую стайку уток на середине речки. Утки вели себя несколько странно: не беспокоились при нашем появлении, а спокойно занимались своими утиными делами – плавали, ныряли, покрывали.

Отец с подозрением рассматривал этих непуганых водоплавающих. Но дядя с жаром шептал ему в ухо: «Не сомневайся, Николаич, это дикая серка!». Отец вскинул ружьё и – «трах!». Одна из утиц перевернулась вниз головой, другие с шумом взлетели над водой и, хлопая по воде крыльями, скрылись. Надо отметить, что вся интрига заключалась в том, что охота открывалась только на следующее утро. Поэтому дядя быстро разделся и поплыл к трофею. В это время, заинтересованный нашей стрельбой и странными эволюциями в сумерках, к нам подошёл пастух, дядька уже в годах. Увидев, что наша тайна раскрыта, дядя, уже будучи с уткой в руках, бросил её и закричал, в расчёте на то, что чужой человек, подошедший к отцу, услышит: «Да она, Николаич, дохлая, вонючая, ну её!». И, бросив утку, быстро поплыл обратно.

А глубоким вечером, точнее ночью, к нам, как призрак отца Гамлета, явился пастух и сказал замогильным голосом: «Ребята, а ведь утку вы МОЮ убили». Последовала немая сцена. Потом отец, бросаая свирепые взгляды на дядю, вынул деньги и, что-то сконфуженно бормоча, стал неловко совать их, скомканные, в карман пастуха. Пастух с достоинством вытащил деньги, развернул их, неторопливо

пересчитал, так же неторопливо снова положил в накладной карман большого брезентового плаща, наподобие плаща почтальона Печкина из деревни Простоквашино, и так же неторопливо удалился, вполне насладившись видом кипящего от бессильной ярости отца.

Иногда «на охоту» выбирался и я «со товарищи». Как раз в это время отец взял в районном отделении ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) старенькую ТОЗку – винтовку Тульского оружейного завода калибра 5–6 мм – с парой коробок патронов. Она вообще-то предназначалась для школьного стрелкового кружка, где он в это время вёл уроки труда и физкультуры, да, по-моему, и начальной военной подготовки. Хранилась она у нас дома, и вот этот нехитрый механизм я тайком от него брал, разбирал на ствол и приклад, заматывал оные в кусок какой-нибудь тряпки, брал, смотря по сезону, велосипед или лыжи, и мы отправлялись на охоту. Зимой мы разыскивали следы зайцев в посадках вдоль железной дороги и всласть бродили по этим запутанным дорожкам. Сами зайцы, во избежание всяких случайностей, проявляли повышенную бдительность, и ни разу мы не увидели представителя, судя по количеству следов, этого многочисленного семейства. Побродив и устав, мы устраивали тир, расстреливая несколько патронов во всякие предметы.

Летом мы устраивали засаду на сусликов, метров в 25 от норы. Но попасть в маленького суслика с такого расстояния нам тоже не удалось, к счастью, ни разу. Таким образом, результаты охоты были отличные – мы прекрасно, интересно проводили время на воздухе, ну, а братья наши меньшие никакого урона не терпели.

Учитесь плавать

Так получилось, что я лет до четырнадцати не умел плавать самостоятельно. В ГДР, где я прожил до девяти лет, как-то не встречались подходящие для этого водоёмы вблизи дислокации нашей военной части. В окрестностях Ершова водоёмов было довольно много. И отец поставил себе задачу обучить меня плаванию. Сам он плавал не очень, каким-то невиданным мной способом, где причудливо сочетались элементы кроля и плавания по-собачьи. Сказывалось отсутствие школы, наверное, его никто не учил плавать, как меня. Учили меня плавать на Александр-Фельдском пруду, который тогда был довольно чистый и глубокий, не то что сейчас, когда идущий через него оросительный канал забил его глинистыми наносами. Не было и россыпей дач по берегам.

Тем не менее задача была поставлена и должна была быть выполнена, и в срок. Дело осложнялось тем, что в ГДР мне приобрели с лучшими намерениями надувное резиновое устройство для облегчения плавания – что-то в виде резинового разрезного эллипса оранжевого цвета. Оно имитировало какую-то фантастическую двуххвостую рептилию, как мы называли её – «головастик», с утолщением впереди, должным означать голову рептилии (были нарисованы глаза), и разрезом сзади, для удобства попадания в вышеуказанный эллипс. Уст-

ройство легко надувалось, и я безбоязненно плавал с ним на любой глубине, зажав хвосты руками и работая, в основном, ногами.

И, естественно, у меня не было стимула к освоению автономного плавания. Много раз отец учил меня правильно двигать руками и ногами при плавании и поддерживал меня в воде при пробных заплывах, но результат был один. Мне не плылось. Без своего «головастика» я не мог держаться на воде, не доверял я ей. Несколько раз незнакомые ребята отбирали у меня где-то на глубине мою амфибию, и я вполне успешно тонул, правда, конец этих историй был всегда счастливым.

В четырнадцать лет я впервые попал на Чёрное море, «головастика» не взяли, и на солёной морской воде, которая, согласно законам физики, лучше держит на воде человека, я как-то постепенно сам научился плавать. На море также научился плавать мой сын. Так что учитесь плавать на море.

Транспорт не роскошь, а средство передвижения

Ещё в первые годы жизни в Ершове отец купил себе велосипед пензенского завода, марки «ЗИФ», красного цвета. Он ездил на нём и на работу, и по делам. Велосипед неоднократно воровали около магазинов, и тогда покупался новый той же марки. Меня тоже отряжали на нём за всякими покупками, ну и съездить покупаться, на рыбалку.

То есть нас было двое, а велосипед один. Что создавало напряжённость в пользовании этим транспортным средством.

Потом отец купил себе небольшой мотоцикл минского завода М-103, с пятилошадной мощностью, но он предназначался только для отца – охоты, рыбалки и прочих хозяйственных нужд. Благодаря закулисным стараниям матери где-то в классе 8–9-м отец купил мне мопед, уже однолошадной мощности, который полностью решил мои транспортные проблемы. А отец постепенно с возрастом забросил, а потом и продал свой мотоцикл. Но на велосипеде ездил и в 84 года.

Основа здоровья

В отделении дороги, последнем и самом продолжительном по времени месте своей службы, отец работал не менее десяти лет и ушёл оттуда в возрасте почти семидесяти лет.

После ухода с работы он летом занимался огородом; сад у нас, как и у соседей, пропал из-за высокого уровня грунтовых вод – то ли нарушился естественный природный слив весенней воды в Немецкий пруд из-за асфальтированной, наконец, Колхозной улицы. Или, скорей всего, поднялись грунтовые воды в результате пуска ершовского обводнительного канала, не облицованного изнутри водонепроницаемыми материалами. По крайней мере, до июня в огороде у нас стояла вода.

Зимой отец вёл снегозадержание и одновременно снегоборьбу на дорожках, весной боролся с излишней водой, то есть весь год он

практически проводил на воздухе, занимаясь физическим трудом. Здоровая жизнь на воздухе позволяла ему ездить на велосипеде в возрасте далеко за 80. И кто знает, сколько он ещё прожил, если бы не психическая травма, когда у него среди белого дня сгорел, как скирда соломы, быстро и яростно, дом. Он и сам буквально сгорел, прожив всего несколько месяцев после этого несчастья.

Отец по-своему был яркой, неординарной личностью. Странно, кажется, я всегда был ближе к матери, а вспоминаю больше отца, то ли ушёл он позднее с грешной земли, то ли много перенесли вместе после болезни и ухода из жизни мамы, когда он остался один и так нуждался в опоре и поддержке.

Первые воспоминания об отце

Одно из первых воспоминаний об отце: он идёт домой со службы, усталый, пропылённый, пропахший потом, запахом кожи от портупей и папиросным дымом, – привычные, знакомые запахи. А я, которому всего года 3–4, завидев его, ничего не слыша, мчусь к нему со всей возможной скоростью, не глядя под ноги. И, конечно, обычно падаю, разбивая в кровь всё, что так доверчиво соприкоснулось с неожиданно налетевшей на тебя землёй.

Отец уходил на службу рано, когда я ещё спал, и приходил с неё поздно. Выходных у военных людей тоже не было, зато были постоянные тревоги – к отцу прибегал посыльный, телефона у нас не было, громко стучал в дверь и кричал: «Тревога!». Отец мгновенно вскакивал с постели, быстро одевался, брал небольшой тревожный чемоданчик со штатным набором предметов первой необходимости, прощался с нами, и вот уже по коридору грохочут его сапоги вместе с сапогами других офицеров – жили мы, в основном, в общежитиях, в коммуналках... И все мы не знали, учебная это тревога или настоящая, вернётся он или нет. Конечно, тогда об этом думала мама, я и не представляя, что такое может с отцом случиться.

Из крестьян мы, орловские...

Отец был из типичной большой крестьянской семьи, там было трое братьев, старше его, у некоторых уже были свои дети, старше отца, были, крайней мере, и две сестры. Отец был самым младшим из семьи, родился тогда, когда его отец, мой дед, неожиданно умер. Тот был маляром, красил луковицу местной церкви, вдруг на село неожиданно налетел ледяной ливень с ветром, дед не успел спуститься и сильно промёрз. Простуда, по-видимому, перешла в воспаление лёгких, а может, и скоротечную чахотку, и он скоротечной скончался, так и не дождавшись появления на свет Божий своего последнего сына.

Дед был подкидышем, воспитывался в сиротском доме, его мать, богатая мещанка, тайно от мужа содержала этот греховный плод любви. А вот прабабка по матери, Варвара, была экономкой у купца первой гильдии, владельца, в частности, нескольких винокуренных заводов по производству водки, магазинов.

Прапрадед по этой линии, судя по отчеству прабабки, был Михаил, не знаю, был ли зарегистрирован их брак с прабабкой, скорее всего, было это ещё до отмены крепостного права, когда регистрации гражданской как таковой для крестьян не существовало, как не существовало и фамилий в нашем понимании. Этим, наверное, и объясняется тот феномен, что половина братьев и сестёр отца носила одну фамилию, а половина – другую.

Старший брат отца, с кавказским обликом прапрадеда, говорил, что одна из фамилий происходит от уличного прозвища. По семейной легенде, национальность этого пращура была армянин, это доказывается горячим вспыльчивым южным характером многих представителей поколений семьи, в частности, у моего отца, и мелькающими во многих лицах заметными чертами кавказского облика.

Вместе с семьёй жили и невестки со своими детьми, а старшие сыновья постепенно уходили друг за другом в город, сначала на приработки зимой, а потом на постоянную работу, и когда отцу было лет двенадцать, он остался единственным мужиком в семье. Ну, а раз единственный – значит, и пахота на тебе, на лошадке с деревянной сохой. Да, в 20-е годы прошлого века крестьяне пахали ещё сохой. Моя бабушка по матери, которая жила с нами, не верила отцу: в Заволжье с их тяжёлыми сухими глинистыми почвами, где при пахоте упряжка быков с однолемешным плугом выворачивала при осенней пахоте глыбы размером до полуметра, ручки плуга мог держать только крепкий мужик. Наверное, напрасно не верила, субпесчанистые подзолистые почвы, образовавшиеся при раскорчёвке леса на Орловщине, очень легко поддаются обработке.

Отец рассказывал о своём голодном детстве. Когда своего хлеба из ржи – в Орловской губернии пшеничка на бедных подзолистых почвах росла плохо – не хватало до новин, до нового хлеба, осенью в него добавляли и картошку, а бывало, и кору деревьев в самый недород. Картошка выручала, давая обычно неплохие урожаи, а кроме того, были капуста, огурцы, редька. Непременным атрибутом был хлебный квас с редькой. Часто из кваса делали тюрю – это смесь кваса с ржаным хлебом, с добавлением толики льняного или конопляного масла. В изобилии шла и квашеная капуста, которую ели с картошкой, или готовили во

*Бабушка по отцу Мария Михайловна,
Орел*

все времена года щи из кислой капусты. Доставалось и молоко малым, когда корова отелится.

Отцу запомнился в детстве так называемый «ситный хлеб» – это «улучшенный», как сказали бы сейчас – класса «премиум», хлеб из обыкновенной ржаной муки, просеянной через сито. Ничего вкуснее этого хлеба в детстве он не ел. И много лет спустя, уже будучи взрослым и приехав к матери на побывку, он попросил её испечь такой хлеб. Его матушка, Мария Михайловна, сначала рассмеялась, а потом и всплакнула: «Эх, Егорка, это тогда он тебе нравился, а сейчас ты и есть-то его не будешь».

Но нельзя ту жизнь видеть только в чёрных красках. Жилось таким образом тогда почти всем на деревне, и люди, особенно дети, лучшей доли не знали и не видели, а посему, до времени, не особенно сетовали на судьбу.

Были в деревне и свои развлечения, особенно зимой, когда спадала сельская страда. Отец рассказывал, как он с другими детишками затаскивал со двора на крутой берег реки Орлика, на краю деревни, конные сани, и, загнув оглобли, все ребячья ватага с визгом неслась на санях к реке. Затащить в гору тяжёлые, с окованными полозьями сани детишки не могли, и обычно те простаивали на берегу Орлика до ранней весны, когда снег частично стаивал и конь мог вытащить их на пригорок. Очень светлые воспоминания оставляли зимние церковные праздники, хождение от двора ко двору «со звездой» с распеванием колядок и получение за свой радостный труд натуроплаты, так сказать, нехитрой деревенской снеди – всяческих пирогов, крашеных яиц, куличей и пасхи (род сладкого творога).

Ну а летом, в малолетстве, это было купание на реке, хождение в прекрасный светлый лиственный орловский лес по грибы и ягоды, позже – ночное с отдыхающими от дневной работы конями.

А в городе всё же лучше...

В описываемые годы в городе было голодно-голодно – сказывалась послевоенная всеобщая разруха, деньгами и промышленными товарами по карточкам горожан ещё как-то обеспечивали, а вот с продовольствием было сложно, на один карточный паёк прожить было тяжело, и зимой деревенская часть семьи снаряжала продовольственный обоз на санях с лошастью в город.

С одним из таких обозов лет в пятнадцать поехал отец, да так и остался в городе – братья сказали, что пора городские ремёсла осваивать. До этого отец окончил церковно-приходскую школу, а в городе поступил в вечернюю школу и одновременно стал работать учеником столяра-краснодеревщика, а потом и самим столяром. На экзамене, как рассказывал отец, нужно было «построить» филёнчатую дверь, а это весьма сложный процесс, требующий особого умения и знаний. Когда я смотрю на сегодняшние, сделанные с помощью машин филёнчатые двери, я всегда вспоминаю дверь, которую сделал отец при ремонте нашего нового дома обычным столярным ручным инс-

трументом – ножовкой, рубанком, фуганком и долотом, – насколько выгодно она отличалась качеством от новомодных.

Старший брат рассказал об одном комичном случае, произошедшем с отцом в то время. Отец с первой же зарплаты купил себе лайковые перчатки до локтя. Как я ни пытался узнать от него, для чего нужен был ему сей экстравагантный предмет, да ещё, как видно, первой необходимости, раз был куплен с первой полочки, отец от вопросов только отмахивался.

Положа руку на сердце, почти каждый из нас в это время испытывал какое-то непреодолимое желание, совершенно необъяснимое для всех окружающих. Для меня лет в восемнадцать пределом мечтаний было приобретение перстня с крупным «лунным камнем», что я и сделал при открытии нашего универмага году в 65-м. Дешёвая бижутерия, носить открыто нельзя – засмеют родители и друзья, но несколько раз в одиночестве надевал его и любовался им, наверное, из эстетических соображений. Правда, скоро неожиданное пристрастие так же неожиданно ушло, как и пришло.

А вот на вторую зарплату отец приобрёл действительно нужное и по тем временам дефицитное изделие – наручные часы. Заводов часовых в России тогда не было, и часы в основном приобретались у часовщиков, которые осуществляли и торговые функции. Чем-то ему отец понравился, и часовщик «сделал» ему, конечно, бывшие в употреблении, в серебряном корпусе часы размером с компас, наподобие тех, которыми пользуется красноармеец Сухов в «Белом солнце пустыни».

Потом, закончив 7 классов средней школы, отец начал работать слесарем на машиностроительном заводе, производившем ткацкое оборудование, одновременно поступив в машиностроительный техникум при этом предприятии. Вскоре он стал работать машинистом заводской электростанции и закончил техникум. Иметь по тем временам среднее специальное образование было большим достижением для деревенского парня из глухой орловской деревеньки.

ЧП на заводе

С этой работой у отца связан один случай, чуть было не сломавший всю его жизнь. На заводской электростанции – централизованной подачи электроэнергии тогда в городе Орле, по-видимому, не было – стоял дизель-генератор с немецкой подводной лодки. И вот происходит авария, у дизеля разрушается вал. ЧП, завод встал, вся смена, обслуживающая электростанцию, а в это число попал и отец, арестовывается, их обвиняют, как в то время было принято, во вредительстве. Тогда это было тяжкое обвинение, и кто бы знал, чем могло бы закончиться для отца это происшествие, да тут комиссия по установлению причины аварии нашла в вале дизеля большую раковину, из-за которой по усталости металла и произошла авария. И отца отпустили. Все братья, в итоге, «вышли в дело», отец несколько раз говорил мне, что советская власть дала возможность им всем выучиться

и стать квалифицированными рабочими, а потом и хозяйственными и общественными руководителями, военными.

Если завтра война, если завтра в поход...

А тут как раз пошла кампания по укреплению комсомольцами кадров Красной Армии. Отец решил поступать во флотское училище в Севастополе, но не прошёл по причине недостаточного роста – в моряки брали только высокорослых. И попал отец в итоге в школу младших авиационных специалистов, стал стрелком-радистом бомбардировщика и был направлен прямо перед войной в бомбардировочный полк, стоящий вблизи границы с Польшей, тогда оккупированной фашистской Германией.

Война началась, как и для всей Красной Армии, неожиданно, на полковой аэродром был произведён налёт немецкой авиации, самолёты пылали на стоянке, не успев взлететь. Остатки полка срочно перебросили подальше от границы. На вооружении полка стояли и тихоходные бомбардировщики СУ-1 (не путать с современными красавцами СУ-25, 27 и т.д.). И вот остатки полка послали на бомбёжку немецкой танковой колонны. То, что увидел отец, произвело на него неизгладимое впечатление – по дороге в шесть рядов шли почти вплотную друг к другу, в облаках пыли немецкие танки колонной длиной в несколько километров.

Зрелище было устрашающее. После вылета на утренней проверке в строю не досчитались нескольких лётчиков. А ведь лётные части были элитой Красной Армии, туда отбирались самые проверенные по классовому происхождению люди. Лётчики очень хорошо обеспечивались, они в своей парадной тёмно-синей форме вызывали такое же восхищение у встречных, как и первые космонавты в СССР, а зарплата их превышала зарплату директора завода. И вот некоторые всё же дрогнули.

И это явление, к сожалению, понятно, вон как быстро основная масса нашего народа стала серой массой обычных потребителей, а ведь власть Советов продолжалась почти 70 лет до перестройки, при ней выросло почти три поколения советских людей, и вот какой казус.

Тридцать седьмой, роковой

На боеспособности войск очень сказались предвоенные репрессии 37-го года. Отец в это время как раз был кандидатом в члены партии. И часто ночью за ним приезжал автомобиль, собирающий членов партии и кандидатов на закрытые партийные собрания. На них зачитывались всё новые и новые списки врагов советской власти, часто сослуживцев. «Едешь и думаешь, не твоя ли очередь пришла», – рассказывал отец. Сознание людей было в смятении, как говорил отец, каждый думал: «А не враг ли рядом с тобой служит?»

Как-то в летних лагерях, на общем построении всего авиаполка командир полка с трибуны зачитывал приказ свыше, в котором врагами народа, шпионами объявлялись командармы Якир, Тухачевский, Егоров и т.д. Во время чтения к полковому построению подъ-

Отец на войне политрук

ехали несколько чёрных эмок, и из них вышла группа молчаливых военных в кожаном. Дождавшись окончания чтения, они подошли к трибуне и стали молча срывать с командира полка и некоторых других военных, окружающих его, петлицы со знаками различия. Полковой комиссар, с которого тоже срывали знаки различия, закричал срывающимся голосом: «...Товарищи, да что же это делается... Я ведь свой, ведь вы меня знаете, я свой!..» Толпа на плацу угрюмо молчала. Окружив арестованных, люди в кожаном погнались к машинам, быстро затолкали в них задержанных и уехали.

На войне как на войне...

Да, после такого пассажа трудно продолжать повествование. Припомню ещё один военный эпизод, рассказанный отцом. Немцы наступали так быстро, что полк, перелетев на новый запасной аэродром, уже на следующий день после этого часто получал известие: «Немецкие танки в двадцати километрах!». И снова полк поднимался в воздух.

На западных границах СССР были сосредоточены главные запасы вооружения и прочего воинского имущества. Отступали мы так быстро, что в общей панике не успевали вывезти даже огромные армейские склады, которые комплектовались десятилетиями. В этих случаях выход был один – уничтожать склады. И вот отцу с группой бойцов было поручено уничтожить такой склад. Когда они вошли в брошенный, не охраняемый никем громадный склад, присели от изумления: склад был заполнен десятками тысяч комплектов всевозможного обмундирования. Раздавать всё это добро населению было запрещено. Облив имущество авиационным бензином, они только успели поджечь склад, как на улицах городка появились немецкие танки. Когда они всё-таки успели выбраться на безлюдную дорогу на восток, объявилась новая напасть – камуфлированный зелёно-болотными пятнами, с хищным, тонким очертанием, как у стрекозы, с обрубленными крыльями «Мессершмидт-109», в просторечии «мессер». Он привязался к их одинокой машине и начал её обстреливать. В то время немцы при абсолютном превосходстве в воздухе позволяли себе такие «развлечения».

С первого же захода он убил одного из бойцов, ранил отца в руку и ещё одного бойца, подбил и поджёг машину. Удовлетворённый свои-

ми удачными действиями, самолёт улетел, покачивая крыльями, видно, лётчик был в состоянии эйфории от своей безнаказанности и удачи.

А перед отцом и уцелевшими бойцами его команды встал обычный русский вопрос «что делать?». Того и гляди, могли показаться немцы. А политический состав в плен они не брали, расстреливали на месте. И вдруг со стороны города на дороге, на которой вот-вот должны были появиться немецкие танки, появился бешено мчавшийся небольшой грузовик.

С трудом остановив его – для чего потребовалось выстрелить несколько раз в воздух из пистолета, – отец подбежал к крытому брезентом авто и заглянул под брезент. Под ним спасались от надвигающейся войны, по-видимому, директор какого-то крупного магазина или базы промтоваров со своей испуганной пышнотелой семьёй. Всё свободное пространство в машине почти до крыши было забито какими-то ящиками, тюками, коробками. Отец попросил захватить их, живых и мёртвых, с собой. Ему категорически отказали, и вся эта дружная семейка мародёров дружно накинулась с бранью на отца, обвиняя его во всех смертных грехах и обещая «сообщить, кому следует», после чего последует неминуемо скорое и жёсткое наказание отцу за «самоуправство». Водителю глава семьи приказал трогаться.

Отцу бросилась в голову кровь от такого наглого и бездушно-го отношения к ним, военным людям, только что вышедшим из боя, раненым, оставшимся без транспорта перед наступающими немцами. Горло перехватило, и, не помня себя, он молча вырвал из кобуры ТТ и выстрелил в наглую, брызжущую слюной лоснящуюся рожу. Одним движением ствола пистолета заставил вылезти из кузова машины всю торгашескую семью и затем выбросить весь их груз из машины... Погрузив в машину убитого рядового и раненного в грудь бойца, всего в крови, который уже потерял сознание и бредил, и оставшихся в живых красноармейцев, он сел в кабину и сказал шофёру: «Трогай!».

Я не могу осудить или оправдать его в этой ситуации, для этого надо самому оказаться на его месте в это время и в этом положении.

О военных эпизодах отец вспоминать не любил. А довелось в дальнейшем воевать ему и под Керчью, где он едва не погиб при переправе Керченского пролива после жёсткого и неожиданного наступления немцев, и под Сталинградом. Закончил он войну в Австрии, под Веной.

У отца были чудесные групповые снимки отдыхающих и пирующих бойцов в зелёном, полном солнца и тепла майском Венском лесу, где они с белым вином в узких бокалах, полураздетые, рядовые и офицеры всех национальностей, одни смеющиеся, другие задумчивые, видно, вспоминая пережитое, встречали Победу. Как тут не вспомнишь чудесную песню М. Исаковского – М. Блантера о вальсе, который слушают бойцы на отдыхе, «В лесу прифронтовом»:

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чём-то дорогом.

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал – дорога к ней
Ведёт через войну.

Эта песня, по-моему, передаёт атмосферу конца войны, где радость победы, надежда на встречу с родными были смешаны с горечью утрат.

Конец войны, в Венском лесу

Где-то в конце войны, после окончания Алма-Атинского политического училища, отец был переведён политруком в авиационный ремонтный поезд, который занимался транспортировкой подбитой и нуждающейся в капитальном ремонте нашей авиатехники на авиаремонтные заводы вглубь страны.

Маршруты его поезда проходили через маленький заволжский посёлок, где в это время работала моя будущая матушка. Как-то они познакомились, и уже после войны, служа в Румынии, он прислал своего адъютанта с проездными документами за матерью.

Прошла война...

Из Румынии, где чуть не родился я, отца перевели служить на несколько лет на Западную Украину, в самые бандеровские места – Коломыю и Станислав. Рядом с длинным деревянным серым баракком на две семьи, где мы жили в Коломые, шла как раз дорога на старое местное кладбище, ещё польских времён, с каменными кры-

латыми ангелами, статуями скорбящих дев Марий и бюстами ушедших на могилах. Мне запомнилась одна, высоко стоящая, серая скорбная женская фигура в балахоне. То ли из-за ветра, раскачивающего ветви старых, как кладбище, могучих деревьев, то ли из-за высокого положения статуи, изображавшей стройную девушку, мне показалось, что она раскачивается на ветру как живая. Дико заорав, я бросился с кладбища. Но это так, лирико-мистическое отступление от повествования, так сказать, импрессионистическая зарисовка, оставшаяся в памяти и воспроизведённая в этом месте не совсем по теме.

Я, малыш, помнил, как часто с пыльного просёлка раздавалась похоронная музыка, медленно ехал грузовик с открытыми бортами с покрытыми кумачом гробами с телами погибших в жестоких схватках с украинскими националистами пограничников. И следовавших за ним строем военных без головных уборов. Помню разговоры старших, как ночью был вырезан весь Стрыйский полк.

Правда, в самих городках, где мы жили, было относительно безопасно, националисты базировались в горных лесах. В горных селениях они были долгое время настоящими хозяевами.

Перед Западной Украиной отец послужил немного и в Одессе, захватив как раз время появления там в качестве командующего Одесским округом маршала Г. К. Жукова. Разгул преступности в Одессе в то время был колоссальный, соответствующий показанной недавно в сериале «Ликвидация». Отца, военного человека, там тоже чуть не раздели под ножами, прямо под окнами нашего дома, хорошо, на его крики о помощи отозвался сосед-прокурор. Он не растерялся, выглянул в своё окно второго этажа и, оценив ситуацию, громко закричал жене: «Дора, неси скорее мой пистолет!» Этим он выиграл время и напугал грабителей, которые разбежались. А пистолета у прокурора дома не было.

*В Станиславе
с Лениным и Сталиным*

Едем в ГДР

Весной или летом 1954 года отец принёс нам радостную новость: его полк отправляли в Германскую Демократическую Республику — ГДР. Первые квартирьеры, возвратясь оттуда, описывали всё в Германии в самых радужных красках. Они привезли с собой тамошнюю валюту — марки и алюминиевые пфенниги, которые все с любопыт-

ством рассматривали. Полк в полном лётном составе перелетел в ГДР на штатном вооружении – фронтовых бомбардировщиках Ил-28, которыми позже Н. С. Хрущёв вооружил революционную Кубу.

А семьи долго ехали в двухосных вагонах-теплушках с нарами на две семьи вместе со своим скарбом. Штабной и технический состав с полковым имуществом двигался отдельными от нас эшелонами. Иногда эшелоны останавливались вместе, и тогда отец прибегал нас проводить.

Жили тогда офицеры бедно, мебель в квартирах была казённой, помню, в качестве какой-то мебели у нас использовался ящик из-под папирос, закрытый покрашенной синькой марлей и украшенный всяким самодельным кружевом.

Да и сами квартиры были казённые. Поэтому вещей с собой было мало, собственно, и купить что-то из носильных вещей в послевоенной разрушенной стране было трудно. Больше одного-двух лет в одном гарнизоне тогда офицеры не служили, поэтому, помнится, все переезды делались налегке – вещи не успевали накопиться. Ехали через Польшу, запомнились польские железнодорожные вагоны с одноглавым белым орлом Пястов. Останавливались редко, где-то в малонаселённой местности, часто в лесном массиве. Как я думаю, соблюдался режим секретности в передислокации. Но вообще, это было первое настоящее путешествие, тем более за границу.

Польско-немецкую границу мы пересекли ночью и уже ранним утром прибыли на разрушенный почти до основания вокзал или склад военного городка близ маленького немецкого городка Вернойхена.

Дом в Германии, тогда и теперь

Нас встречал отец. Вот мы уже разгружаем и заносим домашние вещи в относительно большой, двухэтажный, оштукатуренный под «шубу» и весь увитый плющом дом, с красной черепичной крышей, с одним подъездом с правой стороны здания. Недалеко от дома проходили аллеи из плотно посаженных пирамидальных тополей и кипарисов. А сразу за домом располагался огромный, по крайней мере, мне он казался таким тогда, одичавший яблоне-черешневый сад, с зарослями такой же одичавшей садовой земляники. Мы, мальчишки, в дальнейшем плотно занимались этими ещё зелёными фруктами летом, да так, что ни одно яблочко, черешенка или земляничка не достигала спелости, а исчезала в наших пучившихся от этой зелени животах. А наши матери и отцы любили в свободное время летом позагорать там.

Мы в Германии

Итак, нас разместили на втором этаже здания бывшего холостяцкого офицерского общежития немецких авиаторов истребительной школы 01, начавшей свою историю с 1937 года, как я потом выяснил в Интернете.

Здесь я немного нарушу хронологию своего рассказа и упомяну об одном случае, произошедшем почти пятьдесят лет спустя. Мы с женой приехали встречать Новый год в Подмоскowie, к семье нашей единственной тётушки, с которой мы всегда поддерживали самые тёплые отношения. На встрече Нового года присутствовала подруга тёти, много лет проводшая, как выяснилось, в ГДР в качестве вольнонаёмной гражданской служащей в военном городке. Я с интересом стал расспрашивать, в каком месте она служила. И вдруг она называет наш городишко в ГДР. Вздвинувшись начинаю расспрашивать, в каком доме она там жила, и отказываюсь верить ответу – она жила лет на 15 позднее в нашем же доме, вот только квартиры не совпали. Кто бы рассказал – не поверил бы, совершенно статистически невероятное событие.

И ещё одно событие, на эту же тему, которое буквально потрясло всю мою душу. Воспоминания о золотом детстве в Вернойхене были самыми дорогими, согревающими душу «во дни торжеств и бед». Кроме вышеуказанных сведений, других я о первом, оставшемся глубоко в памяти городе детства не имел. И они уже давно транслировались в традиционный пакет видеорядов, которые можно было прокручивать в своём воображении.

Бронзовый олень на площади, подаренный, по слухам, немецкой авиационной части самим Герингом, непонятного назначения бетонный куб без окон близ аэродрома, высотой этажей пять, сам военный городок и различные случаи, происходившие в нём со мной, частично рассказанные в этом опусе. Всё это было давным-давно. Кажется, это останется со мной навсегда, неизменённым, вечным, застывшим в том времени. И вдруг во время написания этого произведения я зашёл в Интернет, чтобы уточнить написание слова «гаштет», и буквально подпрыгнул. Это слово встречалось на сайте учеников бывшей 27-й школы в Фюрстенберге, ГДР, неподалёку располагался и г. Вернойхен.

Из чтения этого сайта я узнал, что уже года четыре организовалось движение бывших учеников школ ГСВД (ЗГВ). Со своими форумами, списками, фотоальбомами, перепиской и встречами через много лет в нынешних странах СНГ, обломках прежде могучей военной державы СССР, победившей фашизм. Некоторые «счастливыцы» даже умудрились побывать в теперешние времена на месте прежних военных городков, где они когда-то жили. Но я им не слишком завидую, уж очень не к лучшему изменились эти места.

Эти бывшие школьники в большинстве сохранили, как и я, самые тёплые воспоминания о времени, проведённом в ГДР.

Я думаю, что сыграла роль оторванность нас, этих детей, от родины, их ограниченная численность в каждом городке, где все почти всех знали, если не по имени, то в лицо. Все они были детьми офицеров, достаточно обеспеченных. Жизнь в городках проходила спокойно, без всяких эксцессов, все дети представляли, в сущности, один социальный слой. Это были совсем не дети школ в Союзе, там попадались всякие экземпляры, в чём я довольно скоро убедился, оказавшись в Заволжье. Вот эти причины, по-моему, привели к тому, что почти у всех об этом времени остались самые отрадные воспоминания, дружеские привязанности не забылись.

И вот я уже нашёл свою школу, прогулялся по улицам городка с помощью Гугла, нашёл свой дом – это было вторым потрясением, душа пела от казавшейся немыслимой встречи с детством через пятьдесят лет. Фотографии тех времён, знакомые до боли места. Правда, никого из своих знакомых того времени в списках учеников я не нашёл, не было даже просто ребят тех лет, все списки начинались года с 1966, через 10 лет после моего отъезда. Подумав, я понял ситуацию – мало дружит наше поколение с компьютером и Интернетом, поэтому и такой результат. Да и времени прошло много – более полувека.

Поразили фотографии сегодняшнего времени городка – полная запущенность, дома стоят частью пустые, с выбитыми окнами, двери и окна часто забиты досками, дороги и дорожки зарастают травой и деревьями.

Не смогли немцы сразу переварить такое крупное «наследие» Советской Армии – ведь только её боевой состав насчитывал до четырёхсот тысяч, а были ещё семьи, вольнонаёмные... Общее количество – больше миллиона, 6 различных армий, более 100 школ в городках (данные взяты на сайтах).

Первые впечатления, радости и огорчения

Общежитие, где мы расположились, состояло из небольших комнат для семей без детей и для малолетних семей, располагавшихся по обеим сторонам широкого коридора. В конце коридоров находились большие комнаты-туалеты, совмещённые с установленными там же фарфоровыми ваннами. Впрочем, то ли не работала канализация, то ли общее расположение всех этих удобств вместе командование посчитало неприемлемым – ведь раньше здесь проживали только холостые лётчики, но туалетные комнаты закрыли. А за домом воздвиг-

ли обычные русские дощатые очковые туалеты с выгребными ямами. Мытьё тел же отправлялось в обычной русской бане, переоборудованной по такому случаю из подходящего помещения близ аэродрома, которая имела женские и мужские дни.

Сначала я ходил по малолетству в баню с мамой, потом некоторые женщины стали протестовать, говоря, что он (я) уже всё понимает. В ту пору я понятия не имел, о чём они говорят, но тем не менее меня стал водить с собой в баню отец.

Наивность, точнее чистота, нашего изолированного детского коллектива была потрясающая. Только где-то в классе втором старший мальчик, ученик 5–6-го класса, собрал нас, малолеток, в оставшемся от войны блиндаже и рассказал, а как мог, и показал, откуда и как берутся дети. Мы не всё поняли, и кто-то из нас тут же поделился, по глупости, сокровенными знаниями с родителями. Последовали неминуемые расспросы, и в результате нашего «просветителя» свои же родители выдрали как сидорову козу. При жизни в военном городке я не помню, чтобы кто-то из мальчишек или окружающих нас взрослых употреблял бранные матерные выражения.

Военный городок был живописный, весь в зелени, уютный, с чистыми асфальтированными дорогами. Чуть подальше от нас располагались две улицы с комфортабельными коттеджами довоенной же постройки для офицеров с многодетными семьями.

Первый день на новом месте мне запомнился навсегда. Наскоро разместившись в комнате, размером так 5х3 метра, в которой стояли платяной шкаф в углу, стол с парой стульев посередине, две кровати с одной стороны комнаты, тумбочка, кажется, сохранившаяся с немецких времён, да раковина с холодной водой у двери, женщины решили двинуться... ну, куда бы вы думали? Конечно, в местный магазин. Я сопровождал маму. Мы нашли этот магазин у гарнизонной гауптвахты, с огромной тарелкой чёрной сирены на столбе рядом и раздвижными коваными воротами. Мама с женщинами вошла в магазин, я же остался на улице. Через некоторое время мне надоело ждать, и я зашёл в магазин. Мамы нигде не было. Я решил, что проворонил её уход, и решил двинуться самостоятельно к дому. Дорогу назад я толком не помнил, но тут наткнулся на знакомого военного, весьма удивлённого моим одиноким появлением здесь в первый день приезда в городок. Он проводил меня до дома, где мамы не оказалось. Я сел на лавочку около дома и стал спокойно ожидать прибытия мамы. Оно не замедлило реализоваться. Я увидел группу всё тех же знакомых женщин, которые вели под руки рыдающую маму. Да и как же не рыдать – в первый же день исчез единственный любимый сынок, которого она не нашла, спустившись со второго этажа магазина, о существовании которого я и не подозревал.

Повседневные армейские будни

Так мы и зажили на новом месте. Отец с утра уходил на службу, я осенью пошёл в первый класс начальной гарнизонной школы, а мама оставалась на хозяйстве.

Внизу нашего дома, в подвале, располагался гарнизонный продуктовый склад, куда мы с отцом ходили получать месячный продуктовый паёк на всю семью. В пайке были всевозможные крупы, консервы, солёная треска. Правда, зачастую отец питался в офицерской столовой, которая располагалась рядом с местом его службы. Можно было паёк не получать, а брать за него денежную компенсацию. Помнится, делалось и так и этак, причин не знаю.

За домом располагались бурты с картошкой. В тёплые немецкие зимы не было никакой необходимости в подвалах и погребах – рылись в земле неглубокие широкие траншеи, и туда завозилась картошка. Бурт делался высотой метра полтора над землёй, сверху покрывался соломой, а потом слоем земли с дощатыми вентиляционными коробами. Мы, мальчишки, часто навевывались туда для печения картошки. И топливо – солома – было рядом. Из-за этого нашего пристрастия весной было несколько пожаров – вокруг буртов по пояс стояла высохшая трава, которая горела как порох. Помню один такой грандиозный пожар, который тушил почти весь свободный гарнизон вкупе с жёнами и детьми. Положение осложнялось тем, что неподалёку располагалась школа служебного собаководства со свирепыми немецкими овчарками, охраняющими аэродром, и далее, через асфальтированную дорогу, – подземное хранилище топлива, а в стороне, в основном леске, – хранилище авиационных боеприпасов. Горело всё – трава, кустарник, пламя взвивалось вверх на несколько метров. Истошно были перепуганные собаки. Пожар сам собой закончился, когда пламя пожрало все горючие материалы в окрестностях, остановившись перед естественной преградой – дорогой. Собачью школу спасло то, что она была построена на болотистой местности, куда огонь не пошёл.

Конечно, много продуктов, особенно замечательные немецкие сладости – карамельки в пластмассовых коробках (это-то в середине пятидесятых годов!), вафли в шоколаде или без него – отменная вкуснятина, покупались в гарнизонном магазине. Ну а в немецких магазинах под заказ можно было купить всё – до канадской цигейковой шубы, ведь граница с Западным Берлином, зоной союзников СССР по второй мировой, тогда была открыта. Запомнились классические сочные немецкие сосиски «от Мутти (мамы)» – так назывался небольшой немецкий магазинчик, – составляющие в комплекте с пивом настоящее объединение.

Замечательное немецкое пиво, в небольших 350-граммовых бутылочках с многократно закрывающейся-открывающейся фарфоровой пробкой на проволочном рычаге, бралось отцом в обмен на пустые бутылки с мизерной доплатой, целыми авоськами, на неделю. Оно было и светлое, и тёмное, ну а я получал свои бутылочки с лимонадом.

Рядом с нами располагалась солдатская столовая, в которую строем, с песней (слышится: «Белоруссия родная, Украина золотая, мы стальными вас штыками, штыками оградим...») маршировали солдаты. А в последнее время нашего пребывания в ГДР – под сухую дробь барабана. Да, никто, конечно, и в страшном сне не мог представить себе, что пройдёт пятьдесят лет, и эти республики Союз ничем не будет ограждать, да и сам Союз исчезнет.

В окошке сзади здания столовой, где разгружался хлеб, мы выпрашивали у хлебобрезов ломти свежего ржаного хлеба от больших батон-нов, испечённых в пекарне, и куски сахара-рафинада. Мы не были голодны, но до сих пор во рту стоит кисло-сладкий вкус этого немудрящего, но ужасно вкусного дуэта, съеденного на свежем, напоённом теплом и пронизанном сверху, между облаков, пуссеновскими солнечными конусами света, воздухе.

Там же, в Германии, я, а заодно и вся семья, впервые попробовал банан. Он попался мне в новогоднем подарке на смене 1955 года 1956-м. Я вытащил из бумажного кулька этот фрукт, который, кажется, не знал даже по названию, и откусил его вместе с кожурой. Естественно, он мне не понравился, и я, раздосадованный, бросил его с лестничной клетки второго этажа нашего дома, где все мы тогда находились. Выяснилось, что ни отец, ни мать тоже этот фрукт не пробовали, и меня быстро послали вниз. Банан я принёс, мы его очистили, и каждый снова попробовал.

Помню, что был он маленьким и зелёным. Реакция других не запомнилась, но мне банан не понравился и в этом, очищенном виде.

Я и отец в Германии

Хотя отец был очень занят по службе, он, тем не менее, всегда находил время для меня. Хорошо помню нашу поездку в машине с патрулём из двух солдат, располагавшихся в кузове. Мы ездили в окрестностях военного городка, «патрулировали», так сказать. Перекусывали в немецких деревенских трактирах, гаштетах, и снова ехали. Шофёр сажал меня на колени в безлюдных местах дороги и давал в руки руль. При этом он всегда говорил: «В твоих руках находится жизнь трёх солдат и офицера». И я крутил баранку, стараясь сберечь эти самые жизни.

Отец прекрасно стрелял. Так, на спор, на стрельбище он попал в наручные часы из пистолета с пятидесяти метров. Он и меня брал на стрельбище, ещё немецкое, у аэродрома, которое представляло собой несколько рядов высоких земляных валов, заросших травой, с толстенной, высотой метров десять, бетонной стеной в конце сооружения, построенной для того, чтобы пули при промахах в стрельбе не разлетались по окрестностям. Отец ложился со мной, сам он держал автомат АК-47 в руках, мне же поручалось самое ответственное – наводка на мишень и самое волшебное действие – нажатие на курок. АК-47 был в это время секретным оружием, его носили только в чехлах, все стреляные гильзы, калибра 9 мм, сдавались по счёту на склад. При мне, чертыхаясь, старшина после стрельб шарил по толстому войлоку травы, ища недостающие гильзы.

Неподалёку от стрельбища, около бани, за колючей проволокой, стоял большущий фанерный ящик, наполненный всевозможными гильзами – от пистолетных до гильз от авиационных пушек. Ящик охранялся часовым в будке. Пока он там находился, мы ухитрялись пробраться через колючку к ящику и набить карманы гильзами, которые у нас заменяли камни при кидании друг в друга.

Немцам в это время запрещалось иметь охотничье оружие, и в окрестных живописных и безлюдных лесах, полных грибов и всяческой дичи, расплодившейся после войны, охотились цепью, как в атаке на войне, только наши офицеры. Помнится, как кухни в семейных общежитиях были часто завалены крупными тушками зайцев-русаков и матёрых кабанов-секачей с жёсткой, как проволока, щетиной, которых приносил отец.

Охотились в основном холостые лётчики, дичь им разделять было негде, и поэтому все желающие брали у них добычу и тушили зайчатину и кабанятину. Она очень хорошо шла под пиво, по мнению взрослых.

По выходным, если отец был свободный, мы часто ходили в лес собирать грибы – было много маслят, рыжиков и лисичек в сосняке, белых, подберёзовиков, всяческих сыроежек в лиственных лесах. У отца тогда я получил первые навыки в поисках и определении грибов, он их много собирал в детстве. Потом грибы сдавались на кухню маме, и она их жарила. Так как она была из степной местности, первые результаты были незавидные, она пережаривала грибы до того состояния, когда их уже нельзя было есть, оставались только какие-то жалкие корочки. Мама простодушно объясняла результат процесса словами: «Я их тыкаю вилкой, а они всё сырые».

Отец научил меня делать необходимый и интересный для каждого мальчишки «музыкальный инструмент» – свистки – из прямых ровных ветвей кустов орешника. Для этого с дерева срезался небольшой кусок молодой ветки без сучков, длиной сантиметров 25 и диаметром 10–15 миллиметров.

Сантиметров на 10 от конца ветки делался кольцевой разрез коры и вырез в ней небольшого отверстия, диаметром миллиметров 5, на расстоянии сантиметров 2 от конца ветки.

Потом на какой-нибудь деревяшке этот участок ветки обстучивался рукояткой ножа до тех пор, пока кору можно было, аккуратно скручивая, без повреждений, снять.

По следу вырезанного отверстия внутренняя часть ровно отрезалась, в меньшей части делался небольшой срез по хорде на всю глубину длины отрезка для прохода воздуха.

Потом оставшаяся оголённой от коры часть ветки вставлялась в кору, в получившийся свисток надо было дуть, подбирая высоту звука передвижением этой самой оголённой части.

Уфф!! Не так-то просто рассказать всё это, чтобы рассказ можно было использовать как руководство по изготовлению этого нехитрого музыкального инструмента, без всяких чертежей, к чему я искренне стремился.

Ремесло ныне это практически забытое, но вдруг кому захочется повторить этот эксклюзивный теперь инструмент. Хорошо отлаженный свисток звучал громко и пронзительно, по крайней мере, несколько дней, пока не высыхала кора.

А простейший свисток отец научил меня делать из зелёных стручков жёлтой акации. Для этого надо сорвать зелёный стручок, аккуратно раскрыть его, проведя предварительно ногтем пальца по линии

соединения створок, потом вычистить недозрелые семена, вернуть стручок в прежнее положение и, держа его двумя пальцами где-то в средней части, дуть. При удачном исполнении из устройства можно извлечь сильный резкий свист.

Как готовить пищу в загранице

Давно хочу рассказать про кухонные дела по прибытии за границу. Я уже упоминал выше о первых квартирьерах, которые преподнесли об ожидающей нас действительности самые отрадные вести. Что кухни прекрасно оборудованы, по европейскому стандарту, и допотопные наши керосинки, примусы и керогазы, на которых готовили в Союзе, надо оставить там. «Будете готовить на газе или электричестве» – так было сказано и... сделано, в том смысле, что все керосиновые приборы для приготовления пищи были оставлены в Союзе.

Только мать, наученная горьким опытом, взяла на всякий случай пару примусов. На них мы готовили в долгой дороге, и они в первое время после приезда были единственными приборами для приготовления пищи для всего нашего этажа в общежитии, потому что помещение, выделенное под кухню, было девственно пусто. Мне думается, что наши квартирьеры, лётчики, делавшие пробные рейсы на аэродром Вернойхена, вряд ли заглядывали на кухни и свои чересчур оптимистические выводы сделали, исходя из общих соображений о предполагаемом общем развитии кухонного хозяйства Западной Европы.

На пользование примусами ежедневно устанавливалась жёсткая поминутная очередь. Вместо керосина, пути добывания которого еще не были разведаны, в дело пошло реактивное топливо для самолётов.

Это потом уже установили стальные, выложенные изнутри огнеупорным кирпичом плиты, которые топились невиданными тогда в России прессованными брикетами из бурого угля, которые завозили к специально построенному для этой цели дощатому сараю позади дома. Всё в городке делалось по российским меркам, как привыкли, европейское влияние в быту сказывалось слабо.

Повседневная жизнь

А вообще, хорошо жилось всем нам, в особенности мне, в это время. Ничто не тревожило, ничего не висело над тобой. Беззаботное безоблачное детство с гонками на велосипедах по городку – в Союзе тогда такого формата велосипедов не выпускали. Был только трёхколёсный детский велосипед с литой резиной на ободах, который можно было превратить в двухколёсный, потом сразу шёл подростковый «Орлёнок». Это уже потом, лет через 15, стал выпускаться детский велосипед для детей среднего школьного возраста «Школьник».

У многих моих приятелей велосипеды появились раньше. Я же не умел кататься, да и как-то не стремился к этому. И вот как-то раз, когда меня попросили поддержать велосипед, я, шутя, сел в седло, оттолкнулся... и поехал. От неожиданности я начал судорожно кру-

тить педали и руль. И ехал, но только не смог почему-то огибать препятствия. При включении в траекторию движения велосипеда дерева, например, я, как загипнотизированный, не смея ни повернуть, ни остановиться, врезался в него передним колесом. Правда, уже через несколько дней я преодолел эту детскую болезнь ступора и гордо продемонстрировал поражённым родителям своё так неожиданно приобретённое умение. И скоро у меня появился первый в моей жизни велосипед школьного класса.

Мы, мальчишки, любили играть в военные игры, благо что у старших ещё осталась память о войне, она постоянно присутствовала в темах их разговоров, и все события их жизни дифференцировались на «до войны и после войны».

Все мальчишки делились на различные команды по месту жительства. Они должны были знать секретный пароль и отзыв для обмена с членами собственной же команды, досконально им известным, уж не знаю для каких надобностей. Просто пароль непременно был атрибутом каждого военного фильма.

Каждый уважающий себя мальчишка должен был иметь свою саблю из сплюсненной и заточенной алюминиевой трубки, благо их можно было достать на кладбище самолётов неподалёку от дома. Где-нибудь в гуще непролазного кустарника мы устраивали свой «штаб», где хранили своё личное оружие и коллективное – старые пулемёты, винтовочные и автоматные стволы. Этого добра можно было набрать в старых окопах и землянках, ещё во множестве встречавшихся тогда в округе, ведь городок в войну наверняка готовился к обороне, и, похоже, что на его территории даже шли боевые действия. По крайней мере, здесь было много разрушенных до фундамента домов, уже заросших травой и деревьями.

Из-за обладания одним крупнокалиберным пулемётом или малокалиберной пушкой, которую с трудом несли на палках три пары мальчуганов, разразились между двумя командами нешуточные боевые действия с кровопролитием, прибежавшие мамы были не в силах прекратить побоище, пришлось срочно вызывать отцов со службы.

В окопах в изобилии встречались проржавевшие патроны, постучав по пуле которых можно оную было вынуть и воспользоваться находящимся там порохом.

В городке остались таинственные места. Многоэтажный железобетонный куб около аэродрома, без окон, со странными боковыми входами и ещё более странной планировкой внутри. По периметру каждого этажа располагались помещения, а внутри через все этажи шёл пролом в потолках-полах, метра 3х3. Когда мы бросали вниз камень, раздавался плеск. И ещё интересный факт – на крыше бункера располагался бетонный грибок с узкими окнами. Так вот, хорошо помню, как мы поднимались по лестницам, но когда дошли до последнего этажа, лестницы наверх, в бетонный гриб, не оказалось.

(Потом, на сегодняшних снимках, я рассмотрел железную лестницу из скоб, ведущую к грибку по стенам.)

Вертолётов тогда не было на вооружении, и вопрос с грибком остался открытым и интригующим. Рядом, в валах стрельбища, высо-

ких, более двух метров, были узкие бетонированные ходы, ведущие вниз. Но глубже, на ступеньках лестницы, тоже стояла вода. Помню разговоры, что пытались откачать эту воду, но она не убавлялась после многих часов откачки, возможно, ходы соединялись подземными каналами с какими-то водоёмами.

Вообще, профессия отцов определяла характер наших игр.

С отцом и матерью мы часто вечерами ходили в кино, а в выходные я один на детские сеансы. Тогда повсюду гремел Радж Капур, его «Бродягу» пела вся страна, индийских фильмов вообще было много, также много было китайских военных фильмов – помню «Лестницу тысяча ступеней». Из наших запомнились «Свинарка и пастух» с молодым Зельдиным, играющим и сейчас, «Убийство на улице Данте» с начинающим Казаковым. Для этого существовал киноконцертный зал в Доме офицеров, где немецкие фрау-билетёры пропускали нас в зал по билетам. Но больше я любил ходить к отцу в казармы, где по выходным солдатам показывали фильмы в битком набитых комнатах для занятий. Там я впервые посмотрел документальные фильмы «Разгром немцев под Москвой», «Разгром немцев под Сталинградом». Был и летний вариант этого просмотра – на улице, где уже глубоким вечером вешался экран, подозреваю, из сшитых простыней, и на него проецировался фильм. Зрителям, конечно, нужно было приходиться со своими предметами для сидения.

Небольшое лирико-драматическое отступление от основной темы – о первых годах обучения в школе

В школу я сначала пошёл в 1954 году, но так как первый класс был переполнен, а мне ещё не исполнилось семи лет, то по прошествии нескольких дней учёбы родители мягко попросили меня из школы забрать, объясняя это моей неготовностью к процессу обучения в школе. Так что я начинал учиться два раза.

Вот в первом классе, помню, учились Валерка Корнев, Кошкин, мои соседи по дому, братья Моторжины, тоже соседи, жившие в большой, остеклённой со стороны коридора комнате, лучший друг Женя Полозов, тоже сосед, учившийся на год старше, с которым мы не расставались в свободное время.

Когда в третьем классе, уже не в Вернойхене, мне задали писать сочинение о лучшем друге, я написал именно о нём. Помню даже последние строчки сочинения: «Прощай, Женя! Прощай, наша дружба!..», на что моя новая учительница «резонно» написала: «А почему «прощай»? Ведь она могла продолжаться». Продолжаться на расстоянии двух тысяч километров – нет, в то время мы были явно не способны на такое. Состоялся обмен несколькими письмами между нами – и всё.

Девчонок на фото помню многих в лицо, помню даже их характеры, но фамилии... Единственно помню Лену Руденко, но она была дочерью наших друзей и была постарше. Помнится отчество первой учительницы – Яковлевна. А вот имя забыл.

Нас попытались подружить с немецкими ребятами-школьниками, в киноконцертном зале Дома офицеров для нас они устроили концерт и поставили какую-то антифашистскую пьесу, судя по всему, ведь языка мы не знали, кроме нескольких слов и фраз. Тем не менее пьеса нам очень понравилась, главным образом своей атрибутикой – очень похожими на настоящие деревянными винтовками. В перерыве немцы неосмотрительно сложили свои деревяшки в трибуну на краю сцены, и нашим ребятам с первых рядов, по нашему первому впечатлению, очень повезло. Они быстро растащили винтовки, а нам, сидящим от сцены дальше, их не хватило. Впрочем, это завидование длилось недолго, разразился грандиозный международный скандал, по залу забегали учительницы, разоружая народ и записывая фамилии счастливых, родителей которых на следующий день вызвали в школу. На этом смычка с немецкой молодёжью закончилась.

Вообще, с немцами было мало контактов. Разве что с вольнонаёмными в городке. Помню, как к нам пришёл водопроводчик, немец, ремонтировать водопровод. Для этого он разжёт паяльную лампу. Она гудела, выбрасывая тугой синий сгусток пламени. И тут ко мне зашёл сосед по дому и одноклассник Корнев. Увидев горячую лампу, он что-то вообразил и стал говорить: «Огонь по немцам!» Я его толкал в бок, показывая на водопроводчика. А тот вдруг заговорил... по-русски. Оказывается, он был у нас в плену. Слова, которые он сказал, врезались мне в память: «Прошло уже десять лет после окончания войны, а даже для мальчика немцы до сих пор остались врагами. Сколько же надо времени, чтобы мы снова, как когда-то, стали друзьями?» И вот сейчас, когда прошло уже более шестидесяти лет после окончания войны, русские часто бывают в Германии, немцы в России, с ФРГ у нас установились довольно дружеские отношения. Немцы осудили своё прошлое и покаялись перед всем миром. Развиваются и дружеские связи на уровне простых людей, а это самое главное.

Писали мы в то время в школе деревянными ручками, на конце такой ручки был закреплён специальный жестяной цилиндрический патрон, куда вставлялось железное перо. Его мы окунали в чернильницу-непроливайку, которая носилась в небольшом матерчатом мешочке на верёвочке, привязанной к ручке портфеля.

Каждый тип пера имел свой номер. Ученикам рекомендовалось писать, кажется, номером 11. Нас же тянуло к перьям с «шишечкой» на конце, которые после росписи – через нескольких дней, пока перо несколько не отточится, давали при письме ровный по толщине след.

От нас же требовали совсем другого. Существовали так называемые прописи – толстые тетради, выполненные полиграфическим способом, – образцы каллиграфического письма букв и цифр. Особенностью этого типа письма был так называемый нажим, то есть разная толщина письменных знаков в различных местах. Этот тип письма вышел, по-моему, из прежнего писарского письма с различными завитками, росчерками, упомянутым пресловутым нажимом. Для чего он был нужен – сказать затрудняюсь, наверное, это была традиция отдалённого от нас, может, на столетия, времени. Когда-то этот стиль

соответствовал той куртуазной эпохе.

Вспоминается трагикомический эпизод, связанный с этой официально принятой манерой писать. В тот раз мы учились писать цифру 2, большую, высотой сантиметра два. Замечу, что тетради линовались в те далёкие годы отдельно

Наша школа № 66

для каждого класса, в первом классе высота строчек была самая большая, кроме основной горизонтальной линии, были несколько дополнительных для правильного выписывания отдельных элементов письменных знаков. Были и косые линии через определённое расстояние, которые определяли ширину букв и их наклон. И вот ко мне подходит учительница, смотрит на мои каракули и говорит: «Неплохо, но нет нажима».

«Ах, нет нажима?» — и я старательно, высунув язык, обвёл несколько раз, не жалея чернил, свои двойки. Они получились действительно с нажимом, от которого бумага в нескольких местах просто размякла и порвалась. Наградой за мой труд была такая же цифра, поставленная в конце работы, только выписанная строго каллиграфически, по всем правилам. Таким образом, я получил ещё один образец правильного письма, который одновременно являлся оценкой моих скромных успехов на ниве каллиграфии.

А ведь в те годы даже существовал особый предмет — чистописание, целью которого как раз и являлась выработка почерка по прописям. И, в общем-то, эффект остался, сегодня я могу, если постараюсь, написать близко к стилю прописей.

И наша школьная форма, состоящая из гимнастёрки (наверное, от слова гимназия?), широченных брюк, фуражки с лаковым козырьком и, наконец, широким кожаным ремнём с большой медной пряжкой, которую я драил вместе с отцом какой-то пастой до зеркального

У школы в первом классе с друзьями

блеска, вышла, по-видимому, из тех времён.

Форма была разного качества, купить её нам удалось только в Москве, в отпуске. Так что довелось и мне её поносить в шерстяном, жарком, исполнении, во втором-третьем классе. Главным достоинством формы считалась возможность звонко пощёлкать ремнём, предварительно сняв его и сложив вдвое.

Не помню, чтобы со мной кто-то занимался или проверял. Видно, все силы родителей ушли на совершенно напрасные усилия научить меня читать до школы. Этим занимался и отец, в большей степени мать, которая не работала. Но все труды были напрасны – то ли субъект обучения был туповат, то ли учителя попались без больших педагогических талантов.

Буквы я знал, и в памяти сохранился, например, такой урок обучения грамотности по букварю:

– «Ле», «У», «Ше», «А».

– А что получилось?

На что я совершенно бездумно брякал: «Даша!»

Вообще, тексты букваря были изумительны, там жили какие-то странные Луши, Даши, Маши – имена, которые практически вышли тогда из обращения. Эти загадочные девицы-малолетки делали ещё более странные вещи, которые никто из наших сверстниц не делал – например, мыли раму, да ещё выставленную из окна, судя по рисунку. Действие тоже явно из другого времени, когда было принято выставлять на лето одну из рам окна.

В школе же я без всяких усилий овладел чтением. Там же я преуспел в катании по перилам – нынешние школьники просто не знают, что это такое. Нынешние лестничные марши из экономии поставлены вплотную друг к другу, поэтому на перила не сядешь верхом, да и сами хлипкие и тонкие перильца не выдержат такого надругательства над ними. А в школе и дома можно было лихо съезжать по широкому устойчивым деревянным перилам, отполированным постоянным касанием человеческих рук и других мест до зеркального блеска. В середине лестничных маршей был большой квадратный проём, так что был риск свалиться при неумелом катании вниз с высокого второго этажа прямо на каменный пол первого. Кататься на перилах нам строго запрещалось. Ходили туманные рассказы о бедном мальчике, который вот так катался и разбился при падении насмерть в школе. Назидательная школьная легенда, по-видимому.

А школа, мне кажется, занимала в это время только левое крыло двухэтажного здания – восемь комнат, то есть, наверное, было в среднем по два класса каждого года обучения...

В школе буфета тогда не было, и заботливая мама давала мне с собой в школу завтрак – яблоко, бутерброд с какими-нибудь котлетами и... накрахмаленную белоснежную салфетку. Все это надо было достать на большой перемене, расстелить на парте и честно съесть. Честно съесть не всегда удавалось. Далеко не всех учеников снаряжали такими припасами, а есть одному в окружении одноклассников казалось постыдным. Да и часто хотелось на большой перемене побегать, попрыгать, поиграть со сверстниками, а не давиться домашней снедью из-за высокой скорости поедания.

И я наострил выбрасывать пакет с едой по дороге к школе, в укромном месте, чтобы мама не ругала меня за несъеденный завтрак. Уж не знаю, как мама заподозрила это действие, но потом она рассказывала, как пошла потихоньку за мной в школу и увидела, как я, неосторожный, выбрасываю, воровато оглядываясь, забот-

ливо подобранный комплексный обед. Уже не помню, какие последовали санкции.

В школе у нас был кружок рисования. Штатного учителя рисования я не припоминаю, да и был ли он? К нам же забегал на несколько минут со службы какой-то офицер кавказского происхождения и быстро мелом на доске рисовал какой-нибудь сюжет, заказанный нами, а мы в меру своих сил повторяли его в своих альбомах. Запомнился сюжет, заказанный мною, – домик в лесу.

К первому сентября мы с мамой ходили в ближайшие от нас немецкие коттеджи и покупали там огромные букеты разноцветных, многолетних, остро пахнувших осенней горечью георгинов, которых я до этого не видел. С тех пор георгины ассоциируются у меня именно с началом учебного года. Да и когда смотришь на школьные снимки тех лет, а у меня фото только первосентябрьские, видишь, что почти у каждого школьника букет в руке – как же, такой праздничный день!

Вот, кажется, и все воспоминания о полуторагодичном обучении в начальной школе № 66 города Вернойхена. Мало, конечно, да и сам я был тогда мал, и времени столько после этого пролетело...

Коварные медики

Когда случалось болеть, отец или мать водили меня в санчасть, где оказывали немудрящую скорую медицинскую помощь. Обычно это были разбитые коленки, лбы, а иногда и раны, полученные в сражениях. Самым неприятным было лечение зубов, осуществляемое нашей соседкой, смешливой полной хохлушкой тётей Галей Гальченко.

И вдруг каким-то непостижимым образом у меня обнаружили аномальные аденоиды, которые нужно было удалять в окружном госпитале в Эберсвальде. Операция... От одного этого слова душа уходила в пятки. Ранним утром в тот день, когда надо было ехать на санитарной машине в госпиталь, я тихо встал и стал протискиваться за шкаф, думая там спрятаться и отсидеться в наступающее лихое время. Но мама, видно, не спала и волновалась не менее меня. Она тут же встала и прекратила мои наивные попытки затаиться.

И вот мы в госпитале, идём по длинным гулким коридорам, вот уже улыбающаяся медсестра заводит меня в кабинет, сажает в высокое кресло и подвязывает белый передник за шею. В руки, чтобы их занять, дали какую-то изогнутую эмалированную ванночку.

Теперь вступила в действие вторая продуманная линия моей обороны от операционного вторжения. Когда врач, высокий мужчина, попытался завести со мной какой-то отвлекающий разговор, я крепко сжал зубы и на все его вопросы отвечал молчанием. Наконец-то он сдался и сказал: «Ладно, операцию делать не будем. Просто открой рот, мальчик, я посмотрю твоё горлышко».

И я, как последний дурак, широко раскрыл рот. Тут же врач вставил мне в рот невесть откуда появившуюся у него в руках длинную медицинскую ложку, или как там её называют, что-то скомандовал сестре, и вот уже в горле у меня какой-то раздвоенный на конце инструмент. Поворот инструмента – и мне приказывают сплунуть в

заблаговременно данную мне в руки (о, какая хитрость!) белую эмалированную ёмкость. Оказывается, операция закончилась. Всё та же улыбающаяся медсестра выводит меня в коридор, где уже давно моя бедная бледная мама меряет шагами коридор, ожидая моих душераздирающих от боли криков.

В награду за моё примерное поведение и с медицинскими целями – холод на рану – мы заехали в живописную сосновую рощу. И там, в кафе, меня до отвала накормили немецким мороженым в вазочках. Это было первое мороженое в моей жизни в Германии, которое я запомнил, оно не произвело на меня никакого впечатления, возможно, потому, что цель угощения была какая-то не совсем гурманская, а больше медицинская.

А вообще, свидания с медиками происходили значительно чаще, чем хотелось бы, по причинам в основном травматического характера.

Вот я вечером мчусь к подходящему дому со службы отцу по гаревой (шлаковой) дорожке. И тут перед моим удивлённым лицом стремительно проносится последовательно голубое безоблачное небо, ноги отца в начищенных сапогах, и, наконец, я врезаюсь подбородком в указанную дорожку. Доставалось и рукам, но главный, первый удар обычно принимали колени, в которые прямо врезались куски шлака. И вот уже усталый отец, подхватив на руки окровавленного сына, вместе с причитающей матерью бегут в медсанчасть, где мне промывают раны, накладывают швы и повязки и на сладкое вкатывают укол от столбняка. Сколько я их переделал – не сосчитать. Все колени у меня до сих пор в шрамах.

Или другой казус – весело бегу, играя в какие-то свои мальчишечьи игры, и вдруг чувствую оглушающий удар в лоб, глаза заливают кровь, а когда я инстинктивно рукой хватаюсь за указанное место, в нём нащупывается приличная толстая плоская железка, воткнувшаяся в упомянутую часть головы. Дальше всё повторяется по вышеизложенному сценарию, только несёт меня на руках уже плачущая мама, так как отец был на службе. Традиционный укол от столбняка. Швы на лоб.

Как с юмором сказал военный хирург, грузин, в чьи заботливые руки я попал, я теперь меченый, не потеряюсь, так как на лбу я и теперь ношу заметный косой шрам.

Домой, домой...

Служба в ГДР была выигрышным лотерейным билетом. Отцу шёл оклад в рублях на сберегательную книжку в Союзе и одновременно по курсу восточной марки к рублю соответствующее содержание в валюте ГДР. Каждому офицеру можно было раз в месяц отправить одну посылку в СССР. А послать в это время в нашу нищую, разорённую войной страну из ГДР было что. Во-первых, свободно продавалась костюмная ткань, пусть не шерстяная, а в основном смесовая с хлопком, легко мнущаяся и вытягивающаяся. У нас никакой мануфактуры не продавалось вообще. Потом всевозможные вискозные тенниски, майки, женское бельё, я уж не говорю о коврах, гобеленах, фарфоре и... и...

Несколько раз приходилось быть во Франкфурте-на-Одере, пограничной станции на границе с Польшей. Здесь мы делали пересадку на поезд Берлин–Москва. До Франкфурта от Вернойхена мы добирались местным пассажирским поездом с четырёхфутовой шириной колеи и несколькими дверями в каждом вагоне, как в трамвае. Такие же тележки были и у московского поезда, в Бресте их несколько часов меняли на наши, пятифутовые, советского образца.

Когда мы уезжали из Германии с матерью насовсем, нас сопровождал отец до Франкфурта. Он привёз на машине наши вещи, которые поместили в фанерные ящики на станции – в Вернойхене погрузки не было. Железнодорожник, совсем по Зощенко, «укреплял тару» с помощью железной полосы, изредка монотонно, как робот, с совершенно одинаковыми интонациями спрашивая: «Инициалы?» С этим словом я познакомился и догадался о его смысле именно тогда.

Жили мы эти дни в городской гостинице. Обстановка в ней была даже для того времени аскетичная – в длинном номере, покрашенном серой краской, стояли три кровати. И всё. Окна гостиницы выходили внутрь каменного мешка-двора. И тут я обронил историческую фразу: «Сидим, как в мышеловке!» Родителям очень понравилась эта квинт-эссенция нашего положения.

Днём мы часто прогуливались по городу, были впервые в зоопарке, где я увидел многих зверей. Запомнилась рыжая худющая лисица, безостановочно суетливо передвигающаяся по вольеру, от которой шёл такой едкий запах, что метра за два чувствовалось...

Где-то неподалёку было расположено немецкое кладбище, на котором было похоронено много немецких офицеров, погибших во Второй мировой.

Ехали на Родину через Польшу, запомнились куртуазные офицеры-пограничники в четырёхугольных конфедератках, прикладываящие к козырьку фуражки два пальца, приветствуя нас: «Пан, пани, панове».

Как-то мы надолго застряли в Бресте, пропуск в ГДР был не готов, и нам пообещали прислать его прямо в Брест. Но по приезде его не оказалось, и нас дальше, в Союз, не пускали. Здесь произошла ещё одна вполне невероятная встреча – в почтовом отделении, куда мы зашли, чтобы в очередной раз позвонить в часть по поводу пропуска, мама вдруг, увидев какую-то женщину, бросилась к ней со словами: «Аля, Аля...». Отец пытался её одёрнуть, но мама не унималась. Действительно, это оказалась мамина подруга детства из глухого уголка Заволжья, которую в войну угнали из оккупированных районов немцы. После войны она осталась в Бресте, неподалёку от Германии, не стала возвращаться на малую родину. В общем, анализируя свою и другие знакомые мне жизни, прихожу к выводу, что в жизни часто встречаются совершенно невероятные, кажется, события.

С последним прощанием с польскими пограничниками и закончилась пора пребывания в ГСВД, пора интересная, о которой сохранилось много детских воспоминаний, до этого времени они были отрывочные, фрагментарные. Это была пора превращения малыша в мальчика, со своими первыми серьёзными обязанностями – школой. И

вместе с тем это была пора золотого безоблачного детства, которое осталось со мной навсегда.

Наша полунищая семья сумела скопить за эти два с небольшим года службы в ГДР деньги на покупку и последующий капитальный ремонт собственного дома, которого у неё никогда не было. А как отец и мать мечтали о собственном доме! Помню, едем в поезде в отпуск, а они с матерью сидят у окна и рассматривают мелькающий городской пейзаж, иногда восклицая: «Нам бы хоть бы такой домик!»

Судьба распорядилась так, что свой первый и последний дом родители обрели в заволжском городке Ершове, где и прожили всю оставшуюся жизнь. О течении и превратностях жизни в Ершове, в основном своих, я поведал в первой части своего повествования («Старый Ершов и его обитатели. Записки провинциала»), опубликованной в 11-м номере журнала «Волга – XXI век».

Так что это произведение является естественным продолжением вышеуказанного. Но здесь главный акцент я старался сделать на жизни отца.

Нам, послевоенному поколению, наши родители, деды как эстафету передали память о событиях своей жизни в мирное время и о тех грозных испытаниях, которые они вынесли в Отечественную войну.

Мы, которые знаем о тех событиях по рассказам близких, должны передать это в свою очередь сыновьям и дочерям, чтоб не забылось всё это, а также рассказать им и о нашей жизни, она ведь тоже постепенно уходит в историю.

Родители в Ершове, 1995 год